

ДНЕВНИК АЛЬТЕР ЭГО

Это будет лучшее, что пока мной сделано. Каждый раз, когда приходит, казалось бы, неотвратимое решение, что всё, пора серьёзно браться за работу – неужели это так сложно, сесть и написать то, что уже давно где-то там, внутри выросло, отвердело, выкристаллизовалось в некую завершённую форму? – как всё затмевают сомнения. Я не смею утверждать, что этот созревший плод совершенен. Но он подобен зачатому и выношенному ребёнку, которому осталось сделать самый ответственный и неизбежный шаг – просто родиться. Родиться и заявить о себе всему миру громким плачем.

Страх за этого, ещё не рождённого дитя, оказывается сильнее всех самых разумных доводов. Сегодня, в промёрзший ноябрьский вечер последнего года уходящего тысячелетия, я рву свой большой страх на тысячи мелких клочков – сомнений. Но с ними, с каждым в отдельности, расправиться, должно быть, легче... Главное – нужно быть уверенным в том, что пишется только для себя.

Когда мир устаёт вращаться вокруг собственного центра, он начинает сходить с ума. Наверное, я тоже схожу с ума, потому как мысли совсем отбились... хотела сказать «от рук», но ведь это нелепо! А действительно, от чего могут отбиваться мысли? А впрочем, какая разница, когда вдруг понимаешь, что видишь мир, совершенно не похожий на действительность.

Кувшин разбился... Черепки на камне лежат распятыми.

Я давно не рассказывала сказок. Хочешь, поведаю тебе совершенно новую, ещё никем не слышанную и пока нигде не ожившую? Ты знаешь о том, что сказки оживают и становятся особым миром, когда их кто-нибудь расскажет в первый раз? Таким маленьким, а может быть большим, но, главное, совершенно новым миром, над которым зажигаются новые, не существовавшие доселе солнца. Ты не знал об этом? Я могу открыть тебе один большой-большой секрет – мы ведь тоже существа сказочные, и нас тоже кто-то придумал. И вот теперь мы просто живём. Тот сказочник, что рассказал о нас кому-то, либо давным-давно уснул, либо потерял к нам всякий интерес, и больше никому не рассказывает о нас. А жаль. Быть может, его фантазии сделали бы наш мир чище и лучше. А так жителям Земли приходится самим искать выходы из всех сложных ситуаций, но почему-то нам гораздо легче создавать себе проблемы. Но давай не будем об этом. Ведь мы же решили сегодня рассказать совершенно новую сказку. И пусть она получится счастливой. Итак...

Первая короткая история любви закончилась мокрой подушкой и сожжённым дневником...

«Я – это я. Ты – это ты. Я пришёл в этот мир не для того, чтобы удовлетворять твои ощущения. Ты пришёл в этот мир не для того, чтобы удовлетворять мои. Если мы встретились и нам хорошо – это счастье. Если нет – этому нельзя помочь» (Чья-то молитва)

Он влюбился в меня. Я влюбилась в тебя. Ты же любишь странную незнакомку, которая с завиданным упорством ходит при полной луне по карнизам домов. У незнакомки в мечтах совсем юный мальчик, играющий на виолончели и на нервах.

И все мы любим, и все мы в печали.

И только тот, кто возвысил Любовь над нами, с удовольствием взирает на эту картину. И только Он счастлив.

Неопределённость, вроде бы отступившая от меня месяц назад, вернулась, не давая

возможности свободно дышать.

СЛОВО вообще требует бережного отношения, а уж поэтическое особенно. Поэзия не ремесло, которое можно творить каждый день, а само дыхание и биение сердца.

Вся наша история – человеческая – это медленное перетекание из одной полосы тумана в другую. Вот оно, сумеречное утро, заполненное едва различимыми звуками и неясными образами. Лишь на какое-то мгновение все эти призраки жизни – движущиеся тела, голоса приобретают отчётливую форму, и приходит понимание, как всё вновь теряется ночью, растворяется во сне... И уже от полученной одномоментно ясности остаётся только память, а потом обрывки памяти и завершает всё туман забвения. Прошлое рассеивается... И только самоуверенные болваны могут утверждать, что они помнят всё.

Лишь то, что какой-то чудак при дневном свете умудряется записать, остаётся неизменным... Но можно ли найти всю истину в его строчках?..

Выстроить в единую цепь логических событий даже управляемое сознание – невозможно. Сознание не терпит системы, оно жаждет свободы и пустоты. От мыслей, от обязанностей, от света, от чувств. Мой Бог взбунтовался и решил проявить свою силу.

Я самый неудачный лабораторный объект для исследований. А может быть и наоборот...

Оно всё ещё растёт... моё дерево желаний. Первый его видимый росток проклюнулся тогда, когда я произнесла свои первые слова: «Я сам». Не «сама», а именно «сам». Не знаю, почему именно так мне захотелось заявить всему миру о пробуждении моего сознания и о вхождении его в круговорот новой реальности, но эти слова в дальнейшем стали единственным девизом, сопровождавшим меня по самым дебрям этой жизни.

Итак. В основе видимой и почти понимаемой большинством части моей жизни лежит упрямое, наивное и дерзкое: я – сам. Я сам – это главный ствол моего древа желаний, от которого отходят тысячи и тысячи веток и побегов. Все они переплетаются между собой, часто даже прорастают сквозь друг друга. Гибкие, хрупкие, большие, маленькие... Я хочу попытаться распутать этот клубок. И это тоже моё желание. И оно подобно всем остальным желаниям выбирает свою дорогу роста в этой сумасшедшей и неподвластной никакому здравому смыслу кроне.

Если следовать законам логики, то никакого рационализма в этой затее нет. А если поверить иррациональному? Может быть, это состояние окажется объективным в определении – что есть моё дерево желаний, а что есть я?

Я не заглядываю в священные сады людей, окружающих меня. Лишь Господу Богу это доступно, но вряд ли интересно. Его надо чем-то привлечь. Либо высотой своих деревьев, либо их толщиной, красотой или уродством, а может быть ухоженностью. Каждый сам определяет свой путь самовыражения и проявления себя перед Всевышним.

Моё же дерево желаний из тех, что в лесу не бросается в глаза. О его достоинствах и недостатках пока могу судить только я сама... Нет – я сам.

Между прочим, моё дерево желаний растёт не только вверх. Там внизу, в темноте, за гранью познанного, пронзая друг друга, ведут войну между собой его корни – мои неосознанные, инстинктивные, врождённые и все остальные желания, которые когда-либо возникали во мне, но не обрели осязаемую форму – «я хочу» или «я сам». Разбираться в этих зарослях гораздо интереснее. Но, вот что любопытно. Стоит только зацепить непознанное желание, почувствовать его смысл, как оно тут же проклюнется новым ростком в надземной кроне. Но корней от этого меньше не становится...

Сегодня поняла, что моё Древо желаний – это тот самый Великий Ясень, на котором держится весь мир. Это мой мир...

Хочу, чтобы Слово затянуло меня в свою суть, со всеми потаёнными мечтами моей непрочитанной сущности. Чтобы эта сущность растворилась в самом изначальном, самом

сокровенном и стала просто ещё одной ипостасью Слова, которое может одной лишь своей вибрацией расшевелить сознание неслышащих, заставит почувствовать и поверить в его волшебство. Я мечтаю о преданном служении Слову для достижения самых высших целей – познать смысл Жизни, ощутить Истину.

Логика красок – от белого к чёрному через радугу...

Они жили долго и всё время вместе, пока не умерли в один день. Любовь же сначала шла с ними в обнимку, потом, держась с ними за руки, потом отошла немного поодаль, чтобы увидеть себя со стороны. Но не увидела и, испугавшись, превратилась в порыв ветра и умчалась на собственные поиски.

А Смерти было всё-равно – одного забирать или двух, сросшихся по привычке. Любовь её не интересовала, потому как законам смерти она не подчиняется.

Поток сознания мятущегося человека подобен проливному дождю – он кажется бесконечным, цельным, холодным, но на самом деле состоит из отдельных звуков, слов, обрывков мыслей, как из дождинок. Но попробуй поймать одну конкретную дождинку! Или она протечёт сквозь пальцы, или же вместе с другими станет пригоршней воды, из которой уже не выделить отдельную мысль. Дождь он и есть дождь. И нельзя от него требовать осознанного смысла. Это – стихия.

Есть книги, которые пишутся всю жизнь, потому что это сама Жизнь. Чаще всего страницы выцветают, потому как не было никакого особого смысла или дела в прожитом дне, месяце. Но некоторые записи, наоборот, со временем, только приобретают окраску и силу, хотя и сохраняют они лишь крошечный фрагмент жизни. Видимо это был такой миг, от которого волна разбудила вулкан на далёком острове, либо заставила зацвести в последний раз засыхающее дерево. И чем больше таких страниц, тем тяжелее, весомее является книга. О таких авторах дольше помнят потомки. О некоторых память хранится на протяжении бытия чуть ли не всей цивилизации. Только знаки могут меняться – плюсы переходят в минусы, минусы в плюсы...

Не знаю, почему в последнее время меня так мучают размышления о Слове. Кажется, что мы за свое материальное развитие, за прогресс своей цивилизации заплатили непомерно высокую цену – утратили истинный, первоначальный, первородный смысл слова. Вот он – Вавилон, выстроенный человечеством.

Что значит идти за мечтой? Это каждой клеточкой, каждым нервом трепетать в представлении о возможном чуде. Каково оно будет – настоящее чудо, ни душа, ни тело ещё не знает. Оно только способно предчувствовать – как эхо от отдалённых раскатов накатывающей бури. Но в ожидании вся суть становится гитарной струной, натянутой до предела, чтобы в отточенности своей ощутить всю остроту чувств. Но чаще всего встреча с чудом оказывается окружённой или сплошной банальностью, или сверхвозможными ощущениями, из-за которых грубое физическое тело и отвыкшая от внутреннего роста душа просто оказываются неспособными уловить и прочувствовать весь тонкий аромат этой встречи. Лишь длительное время спустя, память услужливо начнёт подсовывать фрагменты воспоминаний, которые будут также походить на произошедшее, как сухостой на живое, трепетное дерево...

Пытаюсь освободиться от всего чужого, не присущего от природы, от всего того, что захлестило сознание и испачкало душу.

Вот ведь как получается – если смотреть взглядом нормального обывателя, вроде, как и не должна я чувствовать за собой какие-то особые преступления, а чувство вины в душе не проходит.

Игра в слова – всего лишь игра. Отец – Отечество – отчество (отец + честь) – отрочество (отец + род). Всё близкородственное, родственное. Своё Отечество мы обретаем вместе с осознанием своей семьи, своих родителей – отца и матери, прибавление отчества к имени при обращении посторонних говорит об их вежливости и уважении к чужому роду либо, увы, о надвигающейся старости. Но они ничего не знают ни о тебе, ни о твоём роде. Друг зовет по имени, но он, может быть даже лучше, чем ты сам, помогает сохранить честь твоего имени, честь рода, переданную через имя отца.

Нужен ли сюжет книге, которая по своему предназначению не имеет ни начала, ни конца?
Нужен ли сюжет дневнику?

Привет!

Наконец вчера (О! какое чудо!) я получила твоё письмо. И, знаешь, у нас вчера уже к вечеру стало теплеть. То были морозы -20 -27 С, а сегодня днём уже -7. Так что прошу сделать правильный вывод и писать почаще. Обещаю отвечать. Ну вот, с вступлением покончено, и теперь перехожу к самому письму.

Здравствуй – тысячи раз здравствуй, во всех смыслах этого слова. Знаешь, как я по тебе соскучилась? Так хочется тебя увидеть и поговорить по-настоящему. На бумаге всего не напишешь – она всё терпит, но далеко не всё может передать...

Сегодня была пустота. Она заполонила молчаливый мир за окном, комнату, в которой я читала книгу, и меня. Я читала, а поток пустоты, в котором одновременно не было ничего и было всё, вливался в меня вместе со смыслом читаемых мною страниц, занимая всё больше моего живого пространства. Физическое ощущение развёртывания пустоты в себе сравнимо разве что с навязчивым предчувствием неизвестности.

Пустота – это не вакуум, это скорее всего ожидание того момента, когда нечто, уже зародившееся, но ещё не оформившееся как идея, начнёт искать себе выход.

Вся моя беда в том, что я все тяжелее могу делиться на ту, что обитает в мире внешнем, и ту, что не может без жизни второго «я». Это тайное бытие начинает управлять всем, а мир вокруг меня сопротивляется. Ему не нужны такие вот отщепенцы, которым одинаково фиолетовы или черны все заморочки, выставленные на всеобщее обозрение и принимаемые за «настоящую жизнь». Для нас – отщепенцев и изгоев, дорога идёт в совершенно ином, неприемлемом для других направлении – вглубь, в себя, в погусторонние миры, в Шамбалу, в конце концов! Да здравствует такой эгоизм!

Я ловила бабочку – она трепетала... Оказалось – бабочка – я сама. И на трепет уже нет сил.

Мой сон был странным. Я не видела лиц, я не слышала слов, я не различала краски. Откуда-то из небытия ко мне протянулись две раскрытые ладони, и в них лежали несколько семечек. Семена я увидела отчётливо. Они все были разные – одно очень большое и по форме напоминало сливу, другие – значительно меньше – круглое, треугольное, три похожих на арбузные косточки... И было ещё одно – колночье, у которого каждая иголочка имела свой цвет. «Выбирай», – кто-то приказал мне. И я даже не успела заметить, как в руке у меня оказалась колночка. Невидимый кто-то рассмеялся с издёвкой. «Ну, ты и выбрала! Попробуй, вырасти теперь его – Дерево Познания...» Пробуждение было мучительным, душным.

Так хотелось поскорее распахнуть окно, словно вместе с ветром должно было прийти спасение. Но я даже не смогла дотянуться до него, остановленная преградой ужаса и обречённости – на подоконнике в блюдце лежала Та Самая Колночка.

Во сне она была невесомой, здесь и сейчас она оказалась такой тяжеловесной, словно вобрала в себя вес всего мира, а может и больше. Путь в мой священный сад я преодолела с огромным трудом. После каждого шага требовалась остановка, чтобы унять сердцебиение. Лишь потом я поняла, что

вместе со мной по этой дороге шёл Страх...

Колючку я посадила на пустыре, в самом углу сада, до которого руки не доходили. Здесь было много места – кто знает, какого размера достигает Древо Познания? Много солнца и свежего ветра – того, что мне так не хватало в то утро...

Прошло много лет. Я каждый день навещаю пустырь в моём саду. Лишь совсем недавно здесь наконец-то появился побег. Он такой же колючий, как и то семечко. И каждая колючка имеет свой цвет, так что издали деревце можно принять либо за разбившуюся радугу, либо за витраж сумасшедшего футуриста. Я потихоньку начинаю привыкать к его присутствию, но оно до сих пор пугает резкой сменой своей тональности от светлого к тёмному и наоборот.

Сегодня я узнала, что могу быть жестокой – и моё деревце потемнело и обрушилось на треть. Правда, опавшая часть не разлетелась по ветру, а накрепко приросло к основанию ствола. Так что можно сказать, что оно растёт вширь. Но от этого роста мне не по себе – вверх оно тянется значительно медленнее. Увы, за эти годы я гораздо чаще сталкиваюсь с человеческими пороками, чем с достоинствами. И Древо Познания всё это бесстрастно фиксирует.

И это тоже мой Ясень Игдрассиль...

Как шарики в бильярде, только по чёрно-звёздному сукну прокатываются мысли. Белый шар – мысль о чистой родниковой воде, жёлтый – о странной мелодии, зацепившейся за память так давно, что и не вспомнить, почему это случилось, голубой – это смешная и непоседливая мысль о лёгком вечере и ветерке с голубого озера, на котором цветут кувшинки, чёрный шар – это все сумбурные мысли, рождённые снами. И разбивает этот радужный строй красный шар – с температурой солнечной плазмы и вкусом крови – мысль о бесконечной и бесполезной плате самой жизнью за то, что живёшь...

Есть корневые слова, которые можно изменять как угодно, но высшее смысловое содержание их не изменится. Скорей всего это Корни языка. Например, слово «свет». Свет – светило (солнце) – святилище (изначально – место поклонения тому же солнцу, а затем и высшим богам) – святость – светоч и священник... И более приземлённые понятия – светёлка, светлячок, рассвет... Светлана... Произнесёшь их, и на душе сразу становится радостно и легко, словно дунул шаловливый весенний ветерок.

А есть слова перевёртыши, которые могут звучать красиво, а нести в себе ужас, страх и темноту... Называть их не хочется.

Жаждем предельной искренности... от других. Но почему-то не от себя. Требуем, чтобы нас любили, но сами лишь изредка, лишь в самых крайних случаях готовы проявить свою любовь. А тех немногочисленных счастливых, что умеют любить и любят по-настоящему, расчётливый и практичный мир держит за тихих сумасшедших, старательно скрывая своё неприятие и даже страх перед ними...

Самое лучшее для заблудившегося в ночи – это слушать свои шаги, и воспоминания укажут путь. (Чей-то мудрый совет).

Мой друг считает, что нужно писать на черновиках, а ещё лучше на салфетках, клочках от телефонных счетов, буране, капоте «Уазика» и ещё чёрт знает где, лишь бы это была не девственность чистой бумаги.

Моего согласия никто не спрашивал. Да и зачем оно???

Сегодня отдалась воле течения мысли, фантазии и... Поняла. Я хочу любви. Настоящей. Не той, которая на сеновале, и не той, которая говорит: «Любимая, я поведу тебя к светлому краю Вселенной...» с неизменной кастрюлей.

Я хочу любить. Себя. Кого-то. И весь мир просто потому, что он есть. Мне кажется что если я

это не запишу – мир испарится, и останется дырка от бублика под звуки «Smockie».

Тому, кто живёт притчами, трудно выжить в этом мире. Тому, что сейчас набирает силу и ещё пока не имеет адекватного названия, не нужны ни легенды, ни мифы, ни эпос. Вернее, Оно создаёт свой миф и божество – успех и деньги, его легенды – истории Рокфеллеров и Карнеги, его эпос – мыльные оперы и Голливуд...

Может податься в пилигримы, чтобы собрать остатки живого слова и сохранить для тех, кто сумеет пережить последнее наступление Зла?

Белый кот с голубыми глазами и красными зрачками играет сегодня «Гамлета». Его «быть или не быть» вторит моему: «любить или не любить». Мы с ним похожи. Да что там! Мы с ним близнецы.

Сегодня мне сказали, что несопоставимы строки из-под моего пера и моя личность, воспринимаемая другими. Что ж, это их проблемы...

Мой кот – актёр, исполняет сцену встречи с отцом-призраком. Я читаю в его глазах: «Найди убийцу». То есть – найди истину. Ибо убивает нас она своей неоспоримостью и недоказуемостью одновременно.

Господи! Если моё сознание прояснится, как я всё это буду потом читать... Как это будут читать другие?..

Говорим сегодня о любви! И только о ней!!! Бред сегодняшнего вечера имеет одно определение – тоска. Тоска по тому, что могло бы быть, и чего, увы, уже нет.

Опьянение любовью бывает самым долгим и самым отравляющим. Проверено. Здесь нет мин. Здесь страшнее...

Куда ты убежала, моя Поэзия? Без тебя дни превращаются в будни, а сны в кошмары. Иногда ловлю твоё дыхание, когда пробуждается Надежда, что не всё ещё потеряно, но ты так невесома и мимолётна... Дыхание на стекле... Шелест упавшего листа... Тень...

В одном скромном безыскусном селении жили Он и Она. Герой и почти Героиня. Почти мужчина и уже – женщина.

Почему почти? Потому что он не смог понять – где настоящее чувство, а где желание собственности – обладать.

Почему уже? Потому что, несмотря на девственность, она знала, – её предназначение – любовь.

Они встретились. Всего на семь дней. А после...

У него – брак с нелюбимой. Ненужный ребёнок. Разрыв и одиночество. У неё – брак с нелюбимым. Любимые дети. Потеря. Одиночество.

А настоящая любовь, которая рвалась к солнцу, так и не смогла распустить свой бутон. Он засох.

Так и пошли они по разным дорогам, которые пересеклись лишь однажды.

Странное это дерево... Не видать на нём ни листвы, ни иголок. Только заскорузлый чёрный ствол и будто изломанные ветви... Издалека кажется, что сделано оно из камня, а подойдёшь ближе и услышишь, как медленно и тяжело дышит. Камень... и дышит.

Возле него стоять страшно. Невидимый ужас захватывает откуда-то из глубин крови. Но это не ужас опасности, хотя запах смерти тоже витает. Это страх перед другим – бесконечным бытием, которым могут жить камни и это Дерево.

Вот она – радость бесконечности, когда растёшь вверх, пронзая чистое небо, и не видишь его голубизны и мощи. И уже облака, так – суета, а звёзды – чьи-то «плевки».

Хорошо быть каменным Древу. Его не тревожат ни ветра, ни сомнения. Оно слишком устойчиво. И приблизиться к нему страшно. А вдруг?..

А вдруг его ветвистая, уродливая крона не выдержит веса собственных ветвей, и они из-под

самого Солнца обрушатся наземь и на голову? Земля мягкая – в ней останется воронка, Земля живая, и воронка эта вскорости затянется яркой живой зеленью. А жизнь человека – безумно хрупкая данность.

И всё-таки, каждый раз, когда я гуляю в своём священном саду, невидимая сила, в конце концов, приводит меня к этому Древу. И я не могу от него уйти, убежать, уползти. Я стою и боюсь каменное Древо. Как под гипнозом ловлю его дыхание. Оно дышит – я слушаю... Он дышит – я цепенею... Оно дышит – я вместе с ним становлюсь каменным растением...

И появляются редкими вспышками моменты понимания: вот она – Истина... Древо Истины... Истина-Камень. И она всё-таки живёт...

И это тоже мой Ясень Игдрассиль.

Сжиженные мозги текут вяло и бесформенно. Им нравится такое существование. Лишь на миг осознавая «здесь и сейчас», с радостью ныряют в «кисельное» состояние. Там не надо думать, страдать и мечтать – там почти «покой». Такой пленительный и манящий.

Маргарита для Мастера просила покоя. Она знала, что просит. В таком состоянии можно быть вечно, но это не синоним вечной жизни.

Из меня получился Никто. Это странное существо, которое потеряло всякие ориентиры во времени и пространстве. Выписать безвременье, может быть, тогда вернутся и координация движения, и координация мыслей?

Один художник, новый знакомый, считает, что мне нужно изучить труды Штайнера, чтобы закрепиться в христианском мире. Но я не хочу в нем закрепляться! Потому что хочу болтаться между небом и землей, быть невесомым облаком и с легкостью преодолевать любые пространства. Хочу быть Джонатаном Ливингстоном и бродячим викингом.

Стихи давно не пишутся. Похоже, они обиделись на то, что я занимаюсь не тем, чем должна. Сегодня – настроение ржавого солнца, поэтому не буду писать о нем.

Может быть, если бы я погуляла по берегу океана, поняла что-нибудь более важное?

По кромке стекла ступаю босыми ногами. Окрашена кровью дорога моя. Из прозрачной высь становится красной... Две пропасти – справа и слева жадно хватают летящие по ветру алые капли. И выбора нет...

Странная эта граница – мир от меня отказался, почти. Готов снисхожденье явить, коль приползу на коленях с мольбой о помиловании. И тогда... О! Тогда он готов диктовать свои условия жёстко... жестоко... Разрешая только дышать в унисон со всеобщим дыханием. Дыханием толпы... А я так уже не смогу...

Инобытие... Мое тело к нему не готово... Сознание... Его давно уж нет... Инокраски – я вижу их, но тогда я слепну от солнца. Инозвуки – я слышу их, но всё труднее понимаю говорящих и звучащих вокруг меня. Инотела – они удивительны... Моё – не такое. Так хочется к ним прикоснуться, но для этого надо сделать шаг в сторону от моей тропы. А там пропасть – и справа, и слева...

Дороги назад нет. Её никогда не было у меня, как нет и ни у кого другого. Но я это уже вижу. И за познание своё плачу бисером, разлетающимся на ветру...

Не знаю, сколько я ещё смогу удержаться на кромке стекла, на грани. Пока меня удерживает Страх. Но и он не может быть бесконечным. Я чувствую – он тает, истончается, и его место занимает равнодушие...

Мне уже всё равно – смогу ли я сделать следующий шаг или упаду в пропасть. Выбора нет... Выбора нет ни у кого...